

*Все есть яд, и все есть лекарство.
И только доза делает лекарство ядом,
а яд — лекарством.*

Парацельс.

ТЕБЕ, ТРАВОНЬКА, НА ИСХОЖДЕНИЕ, А МНЕ НА ИСЦЕЛЕНИЕ...

Травы, былинки, листочки... Удивительный, сложнейший, тончайший мир, который является, можно с уверенностью сказать, наизаглавнейшим проявлением бытия. Растительность — волшебное царство, зримая граница живого и неживого. Карабкаясь по корням, обосновавшимся в глубинных глубинах микромира, неживое устремляется на Божий свет и, обогревшись солнечными лучами, рождается к жизни.

Подумать только, крошечные, едва приметные пестики и тычинки — это и есть вечный двигатель живой материи! Из года в год, тысячелетия за тысячелетиями, мельчайшие травинки, кусты и деревья, будучи фундаментом всего живого, неся в себе суть жизни, воссоздают ее процесс.

Если посмотреть, то и для человека — величайшего, наимудрейшего, наивысшего Божьего творения — основой основ

является не что иное, как растение, а точнее, его плод — крошечное зернышко. Предки наши, находившиеся в удивительно глубокой связи с природой, понимая всю ценность для них хлебного семени, так и называли его «жито».

...Идешь проселком меж волнующихся позолоченных пшеничных волн, надломишь тонюсенькую соломинку, на верхушке ее — остистый колосок, в нем — полным-полно зернышек. А ведь и соломинка, и эта горсточка жита объявились на свет Божий из такого же крохотного семени. Оно, как и миллиарды ему подобных, из века в век сохраняет на первый взгляд простейший, а на самом деле один из замысловатейших кодов бытия. Ведь повторяя путь этого зерна, выстраивает жизнь все живое, в том числе и человек — порожденный, в свою очередь, порождает и сам.

При сотворении мира по воле Господа на Земле высеялось неслыханное множество растений. Изначально, когда отсутствовала культура земледелия, сотни из них служили пищей нашим первобытным пращурам. С библейских времен человек научился выращивать хлеб, строить из деревьев и кустарников жилища, употреблять цветы и травы в качестве пищи и лекарств.

Раскроем книгу книг — Библию — и обнаружим, что растения упоминаются уже в первой книге Моисея, то есть в самом начале Ветхого Завета! Древняя Библия рассказывает об истории человечества, но также она освещает и бытовые стороны жизни людей. Потому нередко в ее текстах встречаем упоминания о различных растениях. Они выступают как символы, являются свидетелями событий, участниками религиозных ритуалов, лечат и исцеляют героев Великой книги.

Растения, упомянутые в Библии, принято считать священными. Всего их около ста двадцати, но чаще говорится о сорока.

Священные растения и их плоды со времен утверждения христианства на Руси и у нас участвуют в церковных обрядах. Вспомним хотя бы такие праздники, как Троица, Духов день, Спас.

Под Покровом Богородицы в русских землях произрастают сотни видов трав, кустарников и деревьев, но названия очень немногих из них присутствуют в Священном Писании. К тому же часто упоминаемые «ключий кустарник», «тростник», «терновник» являются собирательными именами. Это создает определенные трудности в идентификации. К ним присоединяются и опасности неточного перевода, связанные с тем, что в стародавние времена библейские тексты сначала переводились с иврита и арамейского на древнегреческий, а потом только на русский.

На протяжении многих лет, читая и перечитывая Библию, делаю для себя все новые и новые открытия. Некоторые из них касаются с малых лет знакомых мне цветов и трав.

В землях наших северных священных растений намного меньше, чем на Святой Земле, но все они исстари считались целительными. Наши прабабки почти не знали пилюль и таблеток, пользуясь чудотворной силой купальских трав, собранных на Иоанна Крестителя. На некоторое время прогресс задвинул в чуланы и дальние углы нашептанные на молитвах к Спасу и Богородице чугунки со взварами и бутылки с лечебными настоями. Но минули годы, и сегодня вместе с возрождением Православия в России припомнились и священные растения, которые наделялись таинственной силой, а их целебное действие связывалось со сверхъестественными свойствами, данными им Господом.

Припомнили, конечно, и о книгах-травниках, которым более тысячи лет: и бесценный «Канон врачебной науки» Авиценны, и отечественные «чудесные вертограды», «зелейники».

В моей же семье ни бабушка, ни родители, ни я о чудесных библейских травах никогда вообще-то и не забывали. Помнится, отец воспитывал нас с братом Андреем в необычайной любви к природе, отчитывал за каждую напрасно сломанную веточку. Еще детьми мы помогали родителям сажать большой плодовый сад, ухаживать за ним, учась понимать и тонко чувствовать каждую былинку, любоваться каждой букашкой, находить удивительное в самом обыкновенном.

В дому у нас, на божнице, в ряду со многими образами, можно было всегда обнаружить и икону святого Пантелеймона Целителя в скромном окладе, покрытую глубокой патиной. Бабушка, как повелось с давних пор на Руси, называла его Святым Пантелеем. Мне же с ранних лет было растолковано, что от лютых хвороб семью нашу бабулиными молитвами хранит этот молодой с задумчивым, пытливым взглядом врачеватель, сумевший разгадать в цветах и травах их вспомогательную силу.

С детства не сомневалась я, к кому обратиться, если колени сбиты или запретных до срока пепинок объешься. Коли этот добрый и мудрый собиратель трав помогает всем, страдающим телесными и душевными болезнями, надеялась, и до меня снизойдет, залечит царапины, успокоит разболевшийся от незрелых яблок живот.

По сей день верую в помощь первого в истории фитотерапевта-целителя, а потому, как и миллионы страждущих, слабых, немощных во всех концах света, прибегаю к нему в момент душевных и телесных страданий. Каждый раз, бывая в церкви, обязательно не премину поставить свечку и поклониться иконе Пантелеймона, молясь о здоровье родных и знакомых, прося, чтобы не позабыл, не оставил в своих молитвах перед Высшим и меня, грешную.

Люди, испытавшие на себе его заступничество, знают наверняка, что не напрасно сотни лет назад этот врач-чудотворец был причислен к лику Святых, и девятого августа, на Святого Пантелеймона, спешат приложиться к его иконе. Считается, что именно в этот день, ранней зарею, спускается он на Землю, гуляя по лугам и лесам, наделяет священные растения целебной мощью. А потому каждый год бабушка моя раным-ранехонько, прихватив корзину, отправлялась за «травушками», веря, что, собранные на Пантелеймона, они излечивают любые «болести». А чтобы «богородских травушек» хватило на весь год, ходила она за ними еще и в вечер на Аграфену Купальницу да по утренней заре на Ивана Травника (Ивана Купалу). Срывая цветы и травы, бабуля пришептывала: «Тебе, травонька, на исхождение, а мне, рабе Божией Анне, во исцеление».

Каждый раз, лишь увижу образ Святого, сразу зашепчутся, словно слова какой-то древней молитвы, строки Алексея Толстого:

...Пантелей! Ты нас пожалей,
Свой чудесный елей в наши раны излей,
В наши многие раны сердечные...
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрячие,
Опоенные злыми отварами, —
Помоги нам священными травами!

Если верить преданию, услышанному мною еще в детстве, именно Пантелей, к примеру, открыл валериану, с его-то времен и употребляет-ся она в медицине. Сколько помню, в дальнейшем сыром углу сада у нас непролазными душистыми зарослями всегда бушевала эта бесценная трава. Когда-то бабуля насобираала корешков на Ломенке, на старых торфяниках, прикопала под плетнем, а они возьми да и разрастись. Из года в год по осени осыпались их семена, а по весне всходили самосевки, распло-заясь все дальше по саду, завоеывая своими высоченными, буйно цветущими куртинами свободное пространство. Под вечер, сидя на крыльчке, наслаждались мы дивным ароматом валерианы, и, видать, из-за ее целебного духа, сны мои детские были спокойные, радостные и светлые.

Бродишь по долинам и лесам Орловщины, встречая на своем пути то или иное растение, упомянутое в Библии, и невольно припоминаешь тексты Священного Писания, мысленно окунаешься в прошлое, начинаешь вдруг ощущать себя участником событий, происшедших на Земле в библейские времена.

И вот уже чудится человек, впереди тебя идущий, то ли Пантелей-моном Целителем, то ли одним из персонажей Библии. Встречая священные целебные травы, собирая их, испытываешь чувство радости и изумления, словно только что открыл для себя невероятно значимое, сделал еще один шаг в постижении библейской мудрости, в познании еще одной из сторон окружающего мира. И что удивительно: травы эти давным-давно известны и экзегетам, ученым, занимающимся разъяснением и истолкованием Библии и классических текстов древности, и простой деревенской бабке. А вот поди ж ты! Видать, надо многое передумать, пережить самому, чтобы оценить, сколько смысла таится в такой находке, а заодно хоть на капельку сделать для себя Книгу книг более близкой и понятной.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ...

Наисвященнейшим из священных во все времена человеческой истории считается хлеб насущный. В Библии *пшеница* — символ духовного питания, упоминается пятьдесят два раза, а *ячмень* — символ телесного питания — сорок шесть раз! С ветхозаветных времен оба эти растения занимают особое место в жизни людей и называются первыми богатствами земли обетованной. Оттого и неудивительно, сколь часто встречаются они и в Ветхом, и в Новом заветах.

Обращает внимание и на то, что пшеница — пища человека, а ячмень — пища животных. С точки зрения символики это разделение подчеркивает влияние, которое оказывают они на внутреннее состояние человека. Пшеница (по Священному Писанию) действует на духовную жизнь, а значит, и пробуждает стремление к возвышенному, к Господу. Ячмень, укрепляя тело, способствует проявлению животного начала. Вместе же они символизируют духовное и физическое единство.

Предуведомляя приход Христа, который отделил Добро от Зла, Иоанн Креститель сравнивал Добро и Справедливость с пшеничным зерном:

«Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Хлеб как символ имеет огромное значение в христианстве. Именно поэтому монастыри как оплот веры стали хранителями традиций хлебопечения для ритуальных действий: причащения и благословления, и для обеспечения монахов, а порою и всего прихода питанием.

До двенадцатого века на Руси выпекали белые хлеба, а кислые ржаные — «чернушку» — начали изготавливать намного позже. По свидетельству старорусских летописей, хлебопечением испокон веков славилась обитатели. Здесь, кроме просфор, выпекали калачи и сайки, изделия с творогом и маком, пироги со всевозможной начинкой.

Своим вкусным хлебом известны Печерская лавра и Троице-Сергиевский монастырь. Считалось, что монахи владеют особыми секретами приготовления хлеба, которые держатся в строжайшей тайне и передаются из поколения в поколение. И что очень важно, в тесто добавляют освященную воду, а печь растапливается от огня неугасимой лампы.

Сейчас посевы пшеницы занимают примерно одну пятую часть всей обрабатываемой земли. Среди ее разновидностей различают озимую, яровую, полуозимую форму и двуручку (дает урожай и при весеннем, и при осеннем посеве). Железнодорожные вагоны, наполненные собранной за год со всего света пшеницей, могут дважды опоясать земной шар по экватору!

В России хлеб — не просто важнейшее, главное блюдо национально-го стола, а символ благосостояния народа. И поныне мы судим об общем поднятии цен, когда дорожает именно хлеб.

По русским пословицам и поговоркам видно, как относился и относится по сей день народ к хлебу и деньгам, как сравнивает для себя их значимость.

Тот счастлив, у кого есть хлеба с душу, платья с тушу, денег с нужу.

Береги хлеб в углу, а деньги — в узлу.

Хлеб-соль — оплатное дело.

У богатого груз на корабле, у бедного хлеб на уме.

Хлебу — мера, деньгам — счет.

Тяжелым трудом добывали наши предки себе пищу, потому что знали: не посеяв, не пожнешь. Исстари на Руси говаривали: «Горька работа, да хлеб сладок».

При молотье снопы пшеницы раскладывали ровным тонким слоем и били по ним (молотили) цепом. Зерна освобождали от шелухи, подбирая выколоченную массу на ветру. Зерно мололи на муку, а шелуху сжигали. У Н.А. Некрасова есть такие строки:

Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.

В народном сознании прочно укрепилась мысль о том, что хороший человек всегда отломит от своей краюхи бедствующему, поделится не столько мыслями, сколько достатком, то есть хлебом насущным. Отсюда пошли и многочисленные обычаи, связанные с хлебом.

Прост, привычен хлебушко, но ничем его не заменить! Он вкусен в любое время года, в любом возрасте, при любом расположении духа.

Подмечено, что при болезни вкус к хлебу теряется в последнюю оче-

редь. Лишь только он объявится снова, можно надеяться на скорое выздоровление.

Несколько веков назад жизнь не только русского, но и многих народов на земле была подчинена ритму природных изменений. По весне поля засеивались, в летний период на них работали, ухаживали за посадками, наступала осень — торопились с уборкой урожая, подкатывала зима — ели то, что смогли выходить в благоприятные месяцы, и дожидались новой весны. Отсюда — «Хлеб — всему голова!»

Как слово «мама», которое похоже звучит почти на всех языках, так и хлеб, рецептов которому множество, есть в любой стране.

Издавна на Руси по великим дням пекли праздничные хлеба, гостей всегда встречали хлебом-солью. На Рождество подавались пироги со всевозможной начинкой: мясной, рыбной, грибной, ягодно-овощной.

На Пасху не было дома, где бы хозяйка еще в четверг не ставила тесто на куличи, не ходила бы святить их вместе с крашеными яйцами в церковь. После чего вся семья разговлялась освященной пасхой, куличом, крашенками.

А в Фаино воскресенье (на Красную горку) в конце литургии верующим раздают священный хлеб — «антидор». Этот хлеб представляет собой небольшие кусочки просфоры, из которой во время первой части литургии была извлечена середина (Агнец) для причастия. Священный хлеб принимается по строгим, особым правилам: правую руку укладывают на левую ладонями вверх, так, чтобы они образовали крест. Вкушают антидор натошак тут же, в храме.

На десятый день после Пасхи на Руси отмечали и по сей день отмечают Радуницу, или день поминовения родителей. Каждая семья обязательно берет с собой хлеб, вино и другую пищу и отправляется на погост. Всех, кто встречается на пути, угощают хлебом, яичком или конфеткой «за помин души». Угощая усопшего и птиц, на могилу крошат хлеб и яйца. Устраивают трапезы. Здесь же оставляют стакан водки с куском хлеба. Церковь противится этому языческому обряду: по христианским канонам выпивать, есть самому или оставлять хлеб на могиле для усопшего нельзя. Но, видать, жива еще древняя традиция, со времен, когда наши праотцы русичи справляли по своим соплеменникам долгие тризны.

Хлеб берут у нас с собой, отправляясь свататься, хлебом и солью встречают гостей и молодых по возвращении после венчания. Бывало, и в невестином приданом можно было обнаружить краюху домашнего хлеба. И в люльку к новорожденному подкладывали ржаной ломтик-оберег.

А то вот еще — будучи молодками, наши прабабки использовали для поддержания красоты такой рецепт:

«Колоса пшеничного цвет утри мелко и смешай с белок яичной, доспей, как мазь, и мажь...»

Старики строго следили за молодежью, чтобы та бережно обращалась с «хлебушком», так как считалось, что и вся краюха, и каждый ее кусочек, даже малюсенькая крошка, воплощали собой долю человека. И от отношения к «кормильцу» зависит здоровье, сила и удача. Поэтому самым большим грехом на Руси испокон считалось обронить хотя бы крошечку хлеба, а еще страшнее растоптать ее ногами.

Существовало очень много примет, связанных с зерном и хлебом. Например:

Дашь во время еды хлеб со стола собакам — постигнет бедность.

Зерно сеяли при полном месяце, при молодом и стареющем месяце посевов не начинали.

Нельзя есть за спиной другого — съешь его силу.

Нельзя доедать хлеб за другим — забереешь его счастье.

Не начинай новой ковриги на закате и после. Хлеб не уродится. Хозяйство порушится. Если же все-таки в это время надо отрезать хлеба, горбушку сохраняли и приставляли к начатой краюхе.

С детских лет ребятишки помнят загадки и считалки о зерне и хлебе.

Вырос в поле дом.
Полон дом зерном.
Стены позолочены.
Ставни заколочены.
Ходит дом ходуном
На столбе золотом.

(Колос)

Отгадай легко и быстро:
Мягкий, пышный и душистый,
Он и черный, он и белый,
А бывает подгорелый.

(Хлеб)

Катилася торба
С высокого горба.
В этой торбе хлеб, соль, пшеница.
С кем ты хочешь делиться?

Традиционно хлеб на Руси делится на множество сортов и по разным критериям. Тут и различия в муке, и размер изделия, и отличия в рецептуре. К примеру: хлеб, более двух килограммов в одной краюхе, до середины XX века считался весовым, т.е. продавался на вес. Штучным хлебом являлись батоны, сайки, ватрушки, т.е. белый хлеб.

Известны три вида национального русского хлеба, которые пользуются неуклонно растущей популярностью: сайка, ситник и калач.

Подумать только, «бородинский», «заварной» и «красносельский» были известны уже в середине века!

Правда, о появлении, например, бородинского бытует несколько различных легенд. Одна из них гласит, что этот хлеб изобрели монахи Спасо-Бородинского монастыря, основанного вдовой генерала Тучкова, героически павшего под Бородино. По другой версии, рецепт бородинского известен еще с пятнадцатого века. И был он на Руси черным поминальным хлебом. Существует и третья история, будто бы в обоз с провизией (опять же под Бородино) попало ядро. Мука смешалась со специями: тмином и кориандром. Полковые повара изумдились все-таки испечь хлеба. На удивление, вкус оказался необычным, но замечательным. Такие ходят истории о всеми любимом бородинском.

Ни стол деда, ни стол отца, ни стол моей семьи никогда не накрывался без хлеба. Не зря же у русских принято, что «хлеб — всему голова». А значит, и главные заботы, надежды, печали и радости крестьянские ис-

покон веков тоже связывались с ним. Достаток хлеба всегда считался символом материального благополучия. Сколько слов можно обнаружить в русском языке для обозначения главного национального продукта! Каравай, хлебушек, хлебушко, пицца, еда, доход, заработок, булка, пропитание, калач, хлебец, гренка, жито, житник, печево, бухонец, буханка, валок, плетенка, ситник, кулич, чернуха, чернушка, черняшка, черняга, беляшка, паляница, ржаник...

Именно хлеб издревле приносился в жертву Господу. У восточных и западных славян было принято класть хлеб перед иконами, как бы свидетельствуя этим о своей верности Богу. В церкви стоит столик, на котором и поныне можно видеть приношения верующих: будь то пшеничная плетенка, маковый батон, кулич или печенье. Читаем в Библии: «Если какая душа хочет принести Господу жертву приношения хлебного, пусть принесет пшеничной муки, и волеет на нее едея, и положит на нее ливана».

За всю несчитанную историю войн не было ни одного случая, чтобы налагаемая контрибуция не включала «хлебного» пункта.

Припоминается из детства, когда я помогала в жатву землякам, как счастливо на опаленных июльским солнцем лицах светились глаза хлеборобов, как сама, поддаваясь общему радостному настрою, не ведала усталости: принимала на грузовике от комбайна только что обмолоченное жито или с подругами на незатихающем в страду ни днем, ни ночью стареньком колхозном току просушивала целые горы «мужицкого золота». За уборочную одежда, волосы и тело насквозь пропитывались духовитой «новиной», словно бабушкина краяха.

Как сейчас помню ни с чем несравнимый запах только что вынутого из печи хлеба... Замешивали тесто и «сажали» хлеба еще затемно, а когда из кухни аромат свежих краях расплывался по хате, невозможно было улежать в постели, не выскочить в сенцы, не откинуть домотканое полотно, под которым на лавке доходил хлебушко, не отломить поджаристую, шершавую, но такую лакомую, еще теплую хрустящую корочку.

Правда, исконно русским хлебом всегда считался ржаной. Если убрать его со стола, русские, согласно исследованиям, будут более подвержены плохому настроению и стрессам. Предпочтение ржаному хлебу — не привычка, а неотъемлемая часть нашей жизни, символ национальной самобытности.

Не секрет, что и разделение церквей на католическую и православную произошло в значительной степени из-за хлеба. В середине XI века в христианской церкви разгорелся спор об евхаристии: следует употреблять квасной (кислый) хлеб, как это делалось в Византии и на Руси, или пресный, как это повелось в католической церкви. Византия, опасаясь потерять поддержку могучей Руси, вынуждена была выступить против запрета папы Льва IX употреблять кислый хлеб.

Но испокон веку выпекались на Руси и пшеничные, и овсяные, и ячменные, и хлеба из муки сразу нескольких зерновых. Причем у каждой хозяйки имелись свои хитрости-премудрости. Как правило, хлеба ставились в каждом доме раз в неделю. Рецепты теста бережно хранились и передавались от матери к дочери.

Неотъемлемой частью русской кухонной утвари была *дежа* — деревянная кадушка для заквашивания теста. Мерой объема муки являлась *четверь* (около двухсот десяти литров), объем жидкости измерялся *ушатом* (двадцать — двадцать пять литров), часто при взвешивании употреблялся *фунт* (четыреста граммов).

В каждом магазине теперь полки ломаются от хлеба. Но исчез со временем куда-то тот вкус и аромат, которым были пропитаны бабушкины краюхи. Может, закваска теперь иная? Мучицы, соли-сахарку не в меру? А может, оттого что подзабыли современные пекари, что перед таким великим делом, как выпечка хлебов, надобно обязательно помолиться?

Помнится, раным-ранешенько, лишь забрезжит, слышался у божницы еле внятный бабулин шепот: «Хлеб наш насущный дашь нам днес...», и лишь потом, «поздоровкавшись, потолковав с Господом», шла она на кухню, бережно хлопотала над закваской. Правильное ее приготовление и придавало хлебу кислотный, ни с чем не сравнимый аромат. И сейчас еще хранится у меня тот старинный рецепт настоящего русского хлеба.

На полкило муки брала моя Григорьевна немного дрожжей, граммов двадцать пять, не больше. Соединяла с чуть теплой, как парное молоко, родниковой водой. Откинув творог на марлицу, собирала сыворотку, с полстаканчика подливала в кадку, смешивала с мучицей и дрожжами не спеша («кормить» закваску надобно не торопясь, умеючи). Хорошо вымесив, накрывала дежку сермяжным рушником, сверху наваливала дедушкин старенький тулуп и водружала на лавку, поближе к печке. Тесто бродило в теплом месте около суток. Оно «не любит» сквозняков, поэтому форточка на кухне, пока бабуля занималась хлебами, закрывалась наплотню. Опытная хозяйка, она отсылала дедушку вместе с его крутым самосадам в сенцы или во двор — квашня впитывает сильные запахи.

На двухкилограммовую краюху брала она сто тридцать граммов закваски, около литра воды, столовую ложку соли. Приступая к приготовлению хлебов, разводила в теплой водиче треть приготовленной муки, добавляла закваску.

Как сейчас вижу: стоит она, склонившись над кадкой, рукава ситцевой кофточки закатаны выше локтей, волосы прибраны под беленький подшолок. Хлеба замешивает. Руки ходят споро, сноровко. Отщипнет кусочек, понюхает, пожует и поставит опять бродить-выхаживаться в теплое место, теперь уже на полдня. Только за это время от дежи уже далеко не отойдет: заглядывает, принюхивается. А как время подоспеет, обомнет да снова перемешает, добавив по вкусу соли, всыпав оставшуюся муку. И опять на часок, в тепло, теперь уж в последний раз.

В детстве, оставленная родителями на бабулин пригляд, крутилась и я подле печи, докучала ей своими пристаиваниями: «Расскажи да расскажи какую-нибудь сказку-побасенку». Перебрав всеми известными, начинала она выдумывать свои. А потом уж и сама путалась, где ее выдумки, где услышанные ею от своей бабушки, когда она и сама девчонкой была.

Небережливая память сохранила все же, на мою радость, одну из таких сказок. Может, оттого она мне и запомнилась, что простая, родная, словно бабулина краюха.

Жил-был в стародавние времена на нашем хуторе богатый мужик. Имел немалое хозяйство. А пуще всего дорожил и гордился своим ветряком, мельницей.

Как-то раз проходил мимо его мельницы нищий. Дело было осенью. Вокруг стояли подводы с наваленными на них мешками. Зерно сыпалось в жернова рекой. Горы муки заполняли мельницу. Подступился нищий к богачу и стал просить милостыню. Поддай, мол, за-ради Христа на пропитание, два дня ничего не ел.

Рассердился на него мельник, даже не взглянул, велел выдворить попрошайку прочь. Пошел обездоленный по проселку несолоно хлебавши. Уж из виду скрылся, как догоняет его на телеге мужик, приехавший молотъ зерно да ненароком увидавший, как мельник с беднягой обошелся. Жалко стало крестьянину несчастного. Располовинил он свое зерно, а нищий в ответ лишь благословил участливого мужичка да трижды перекрестил вослед.

Посмеялся богач над сердобольным крестьянином, завидя, сколько у того осталось зерна. Но как стали молотъ, то из полмешка зерна получилось двадцать мешков муки.

А в конце сказки бабуля непременно добавляла: «Нет богатства, как сатка, дороже, чем творить добро!»

Обсыпав стол мукой (чтобы к нему не прилипали сырые хлеба), смазав маслицем руки, поделит она тесто на краюхи, смочит их водой, загладит, чтобы не растрескались, да посадит деревянной лопатой часа на два, на три в печь. Да не забудет туда же задвинуть рогачами и небольшой чугунок с водицей (чтобы хлебешек пропекался равномерно).

Готовность проверит длинной тонкой лучинкой. Проткнет в середине, коли пропеклось, так и тесто к лучинке не клеится.

Пора! Для хозяйки подоспела самая радостная, самая волнительная минутка. А ну как хлебешко не задался? Но за свое долгое стояние у печи бабуля уже с закрытыми глазами могла завести тесто, испечь такие хлеба, что помнятся мне спустя полсотни лет!

Краюхи выносили в сенцы, укладывали на выскобленную хлебную лавку, смачивали (чтобы корочка не была слишком твердой) горячей водой, укрывали домоткаными рушниками и оставляли доходить.

А чтобы выпечка подольше хранилась, не черствела, рядом с хлебами ставили корзину яблок. Свежий хлеб не любит ни солнца, ни холода, поэтому спустя время хлеба переносили в кухню, размещали на полках деревянного буфета. Для того чтобы в нем не появлялся запах залежалого хлеба, время от времени стены и полочки протирали тряпицей, смоченной в яблочном уксусе. А чтобы на краюхах ненароком не объявилась плесень, в уголке буфета стоял стаканчик с тряпочкой, обрызганной йодом. Простецкие ухищрения, а хлеб не портился целую неделю.

С мыслями о хлебе в голове моей всегда всплывают думы о родном доме, о самом светлом, радостном.

ЛОЗА ИСТИННАЯ

Григорьевна моя, мамина мама, не доверявшая здоровью своей семьи никаким врачам, хранила прабабкин секрет эликсира долголетия. Снадобье готовила с любовью, внимательно (как бы чего не переборщить!). Цветов на подоконниках бесполезных не держала, «пустоцвет» не уважала. На каждую болячку у нее свое комнатное растение.

Отломит, бывало, пару непременно трехлетних листочков столетника, столько же веточек горчайшей полыни с задворок принесет, золототысячника по пути с сенокоса прихватит. А самое главное — нырнет в чуланчик да откопает со дна ларчика бутылочку красного вина. Травы изорвет в мелкие кусочки (не ножом изрежет, только руками), зальет крошево вином. А штоф (обязательно светлого стекла) выставит на крышу крылечка, на самый солнцепек. И выдержит свою микстуру

под жаркими лучами двадцать четыре часа. А как снадобье устоится, добавит сахарку, процедит и станет потчевать семью по две-три столовых ложки в день. Правду сказать, дедушка всегда над ней подшучивал, в такое малое количество лекарства ему не верилось, и он вносил свои поправки, склоняя бабулю принимать во внимание возраст и вес больного.

В ее запасах всегда можно было сыскать херес, мадеру и кагор. Зная о дедушкиных «сердешных» недугах, она нет-нет да и поднесет ему на «здоровьице» стаканчик.

Вино красное, виноградное... Откуда старушке, совершенно не знавшей грамоты, было знать, что *виноград* — одно из важнейших библейских растений, а виноградная лоза — евхаристический образ, а также символ Божественного избранничества, что в Священном Писании он является символом Земли обетованной, которую дал Бог своему избранному народу в удел, а потому виноградник — это олицетворение самого народа Божия, Церкви.

Растение и продукты, получаемые из него, играют немалую роль в христианской традиции. Нередко встречаем мы слово *виноград* и в речах самого Иисуса. Сколько веков человечество пытается постичь великий смысл последней незабвенной беседы его с учениками:

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь (...)

Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (...)

Я есмь Лоза, а вы ветви: кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (От Иоанна, 15:1,5).

Виноградники — одни из первых плантаций, созданные человечеством. В Библии сказано, что виноград был первым растением, которое появилось на земле, и именно виноградом в основном питались первые люди — Адам и Ева.

Окаменевшие остатки виноградных растений были обнаружены в меловых отложениях на территории многих стран. В России они найдены в Причерноморье, на Урале, в Сибири, на Сахалине и в других местах.

Вот какие стихи написала в своем «Путевом дневнике» М. Имбер:

Он старше многих птиц и многих рыб,
Он мужествен и весел, — вот каков он.
Он перенес период ледниковый.
Косматый мамонт — даже тот погиб,
А виноград, одетый лишь пушком,
Дошел до нас, подпершись посошком.

Уже шесть тысяч лет, с ветхозаветных времен, люди культивируют виноград — крупную, теплолюбивую, до сорока метров длиной, лиану, с сочными, собранными в гроздья, разнообразными по цвету и форме ягодами, из которых получают полезный, богатый витаминами сок и замечательное вино. Еще патриарх Ной занимался ее выращиванием:

«И начал Ной человек делатель бытия земли и насадил виноград...» (Быт. 9:20).

Вино является символом союза, заключенного между Богом и человеком после Потопа и обновленного Иисусом, который дал людям в виде вина свою кровь, прежде чем пролить ее за людей на кресте.

Пророки Иеремия и Исайя сообщают на страницах Библии о том, как выбиралось место для виноградника, как это место охраняли, как ухаживали за лозой. Подобные сведения встречаются и в Псалтыри, и в Песне Песней, и в Евангелии от Матфея.

Слова пророков Михея и Захарии: «...*сидеть под своею виноградной лозою...*» стали символом домашнего благополучия.

Предвосхищая будущие бедствия, пророк Исайя говорил: «*Плачет сок гроздя; болит виноградная лоза; вздыхают все, веселившиеся серпцем*».

На Руси же виноделие, хоть и имеет давние корни и прочные традиции, было преимущественно плодовым, медовым, хлебно-солодовым. Правда, еще Геродот, посетивший в пятом веке до нашей эры Скифию, писал, что обитатели низовьев Днепра — борисфениты — успешно занимаются культурой винограда.

Виноградные вина вестимы на Руси с незапамятных времен. Русичи отведали их еще при Олеге. В 907 году, возвратившись из Константинополя, наряду с драгоценными и золотыми тканями, князь привез и вино. Но долго еще этот напиток был привилегией людей с достатком и употреблялся лишь в богатых домах. Виноградные вина в ту далекую пору в наших землях были привозные, «заморские», а потому и дорогостоящие.

С принятием христианства на Руси культовые языческие напитки вытеснились византийским красным вином, которое считалось «*кровью Иисуса Христа*». Во время Тайной Вечери хлеб и вино обрели свое символическое значение.

«...И взял чашу, благодарив, подал им; и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая». (От Марка, 14:22–24).

Перевоплощение вина в непреходящий ритуальный напиток во время церковного причастия (символическое повторение Тайной Вечери) послужило ознакомлению с ним всего населения государства.

В старославянской книге «Церковный служебник», 1699 года, в разделе «Известие поучительное» есть толкование:

«Вещество крове Христовы есть вино от плода лозного, сиесть, из гроздов винные лозы осточенное. Подобаает сему вину свойственный иметь вкус и отбояние, и к питию приемное, и чистое бытии, не смешанное с каковым либо иным питием, кроме из гроздия... Вином же не суть и бытии не могут вся соки от различных овощей и ягодсточении, сиесть яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый и иные сим подобные».

«Аще же кто дерзнет кроме самого виноградного вина, на иных видах и соках, или вино кислотию во оцет претвориться, или с чим смешанное будет, никакого же таинства совершит: не согрешит иерей тяжко смертно, и извержению от священства подпадет».

(Цитата по первоисточнику).

Это является подтверждением обязательности выделением вина в особый напиток. Его нельзя включать в список вредных алкогольных

напитков, полученных из плодов и овощей с добавлением сахара, а также крепких напитков, полученных с помощью перегонки.

Распространившееся на юге Киевской Руси возделывание винограда, правда, значительно позже, проникло и в северные края. Но лишь в 1613 году по высочайшему повелению царя Михаила Федоровича в Астрахани заложили маленький виноградный сад. А в 1656–1657 годах получено первое вино. Чуть позднее Алексей Михайлович предпринял первые робкие попытки выращивания винограда в наших московских широтах.

Петр I настолько увлекся разведением винной ягоды, что выписал лозы из южной Франции и Венгрии. А в 1706–1709 годах великий реформатор учредил в Киеве так называемый «регулярный сад», при нем небольшие виноградники.

Через полвека возле Елизаветинского дворца возник новый виноградный сад, раскинувшийся на террасированных склонах Днепра. В это же время открылась знаменитая «Киевская казенная кабацкая винокурня».

А уж когда в 1783 году в состав Российского государства вошел Крым, благоприятнейшее место по выращиванию винограда, сочные гроздья, лозу и вкуснейшее вино предприимчивые купцы вывезли в самые отдаленные уголки России. Даже на Балааме в Архангельской губернии монахи успешно выращивали виноград.

На стене Киевско-Печерской лавры написано: *«Там людям дни отрадны, где лозы растут виноградны».*

В геральдике виноград изображен в исторических гербах многих городов Российской Империи: Аккермана, Изюма, Кизляра, Телави, Чугуева и др. Город Изюм «гласно» назван в XVII веке «виноградным» названием.

А.С. Пушкин так писал о винограде:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Еще древние заметили благотворное влияние винограда на человеческий организм. Эта чудесная ягода замедляет старение, улучшает сон, стимулирует иммунитет. А значит, продукты виноградарства: и сами ягоды, и их сок, и виноградное вино обладают лечебным воздействием.

С XVI века виноградные вина на Руси применялись как лекарства или входили в состав каких-либо лекарств.

Если пьянство и алкоголизм испокон веков в народе проклинались, то само виноградное вино прославлялось у всех племен с древнейших времен до наших дней. «Молоко Венеры», как называл Аристотель вино, содержит огромное число биологически активных веществ.

Уверена, что бабуле моей обо всем этом было и невдомек. Но простудится ли кто, не заладится что с желудком или еще какая хворобина привяжется, всегда у нее на то сыщется свое лекарство, настоящее непременно на красном виноградном вине. Винограда в нашем селе не выращивали, потому она пользовалась покупными винами.

В моем же саду прижилось несколько сортов этой древней лианы: «Изабелла» — на вино; зеленые, белые да розовые сорта, устойчивые к нашим среднерусским холодам — на еду: самим полакомиться, друзей угостить.

А еще — ранние листочки виноградные заменяют мне молодую капусту. Голубцы в них просто замечательные. Можно, конечно, и долмой их назвать, но я люблю по-нашенски: голубчики. Чуть с кислицой, с виноградным ароматом.

А как обойтись без вяленого винограда-изюма на кухне? И плюшки-булочки испечь, и квасы-компоты с ним знатные!

Помню, в детстве нет-нет да и запустишь украдкой руку в бабулин изюмный мешочек, что в припечке про Велик день хранится. Какой же кулич без изюмца? Налакомишься — и конфет не надобно. А бабуля, хитрунья, будто бы и не заметит, что к весне мешочек ее холщовый изрядно поосел. Спыхватится, мол, за мышами глаз да глаз нужно иметь, не досмотрела, изюмчик прожоры потаскали. Завернет в чуланец да выставит на припечку новый мешочек, загодя к Пасхе прикупленный.

А то расщедрится, да и сама отвесит нам, внукам, «для аппетитцу» по хорошей пригоршни ненашенского лакомства. «Все лучше сахару-то! И зубы в сохранности!»

Иногда, коли из-за чего-нибудь серчала, и сама развязывала изюмный куль, насыпала в фартучный карманец горсть-другую изюму, приговаривала: «Чтоб сердечушко охолонуло, чтобы гнев позатух, самое то — изюмец-забавник».

Помнится, в ее хате весь иконостас был прикрыт одним длиннющим полотенцем. Бабушка его еще перед замужеством сама ткала, сама кружева к нему вязала, сама вышивала. Линялый от времени, но такой искусный, что залобуешься: по всему белу полю, по всей длине, крупные зубчатые виноградные листья чередуются с увесистыми темно-фиолетовыми гроздьями. А по краям убористым крестиком — Христос воскрес!

И была среди прочих икон на бабушкиной божничке икона «Лоза истинная». Иначе ее величают «Христос — Лоза истинная» или «Христос — виноградная лоза». Со временем я узнала, что существуют несколько иконографических композиций, связанных с этим наименованием. В одном варианте из Гроба Господня или прободенного ребра Христа вырастает лоза, гроздь которой опускается в его руки, а Христос выдавливает из нее вино в потир. В другом из них — Христос в образе Пантократора окружен лозой, в ветвях которой изображаются апостолы, а иногда Богородица и Иоанн Предтеча.

«Лоза истинная» — старая икона... Бабушка получила ее из рук своей бабушки, теперь она хранится на моей божничке.

Не ведающего меры в вине бабуля не терпела, завидя пьяного, всегда ворчала одно и то же: «Горе тем, которые с раннего утра ищут выпить и до позднего вечера разгорячают себя вином». Только спустя годы, читая пророка Исайю, обнаружила, что бабушка, для понятливости, заменила слово «сикера» на более подходящее в орловской глубинке — «выпить».

Кроме того, встретились мне и такие наставления:

«...Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом».

«...Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом».

«...Итак берегись, не пей вина и сикера, и не ешь ничего нечистого».

«...Вино — глумливо, сикера — буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен».

Священное Писание обличает возможные последствия действия вина на человека: «блестящие очи», «возбуждение духа», «болезни», «необузданный язык», «потеря ума», «превратное суждение».

Однако умеренное употребление вина не только допускалось, но и приветствовалось:

«...Впредь пей не одну воду, но и употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов».

Говоря об одном из семи смертных грехов, бабуля, умудренная чтением Святого Писания и житейским опытом, толковала: «Вот ведь как думают? Чревоугодие, мол, — обжорство. Ну, в ем, знамо дело, тожить ничего хорошего нету. Только Господь-то не об этом с нами толкует. О пьянстве, милые, как есть об ем, растреклятом!»

О ЧЕЧЕВИЧНОЙ ПОХЛЕБКЕ И СИЮМИНУТНОЙ ВЫГОДЕ

Задумала я как-то состряпать чечевичную похлебку. Но не тут-то было! В запасе чечевицу никогда не держала, а приобрести ее по сегодняшним дням не так-то просто. Но ведь было время, в начале двадцатого века, когда Россия слыла мировым лидером по производству этой культуры!

Пробежалась по магазинам, и, наконец, деликатес, а в современных ресторанах именно к ним и относят чечевицу, сыскался. Плоские, линзовидные семена имеют различный окрас: и светло-зеленый, и коричневый, и почти черный. Купила чечевицы красной. В Библии именно о такой и говорится:

«И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого; ибо я устал...» (Быт. 25:30).

Приготовила чечевичную похлебку. Цвет у нее оказался вовсе даже не красный, а совершенно желтый. Но Исав просил у Исаака «красного»!

Оказывается, сорта этого цвета, произрастающие на Ближнем Востоке, не столь меняют окраску при варке. Может быть, и пряности, введенные Иаковом в свое кушанье — для ближневосточной кухни характерно их высокое применение — придали этому блюду более насыщенную красноту. Да и вообще, в древности люди были не столь щепетильны при разделе цвета. К примеру, в «Слове о Полку Игореве» упоминается всего порядка трех цветов. В то же время все внимание сконцентрировано на оттенках, блеске, фактуре.

Одна из самых труднообъяснимых историй Библии... Именно такая похлебка на протяжении веков у многих поколений являлась символом сиюминутной выгоды. За миску протеецкой еды в библейские времена голодный Исав продал младшему брату-близнецу Иакову свое первородство. А ведь оно давало ему исключительные, особые права и немалые преимущества перед братом: и право на первосвященство, и на двойную часть из имущества отца, и право на наследие отца, наконец, что весьма важно в былые времена, — право на наследие власти.

Благословение, данное отцом Иакову, было не просто добрым пожеланием родителя сыну, оно было пророчеством:

«...да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина; да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена, будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя — прокляты; благословляющие тебя — благословенны!» (Быт. 27:28–29).

И это пророчество, как мы знаем и из Библии, и из истории, впоследствии исполнилось.

Надеясь перехитрить брата, мол, реально он остается по-прежнему старшим, Исав косвенным образом показывает свое безразличие к Богу. Чечевичная похлебка в момент слабости оказалась важнее исполнения Божиих обетований в предстоящем.

«И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел, и пил, и встал, и пошел; и пренебрег Исав первородство» (Быт. 25:34).

Как следствие — зарождение страшной вражды между народами, произошедшими от братьев-близнецов Иакова и Исав. Казалось бы, пустячок, простой бытовой поступок. А как он аукнулся в истории! И какой урок опять и опять преподносит нам Библия: сиюминутная прихоть может повлечь за собой тяжелейшие, непредвиденные последствия.

Апостол Павел, размышляя над этой историей, говорил:

«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа. Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей отца, хотя и просил о том со слезами» (Евр. 12:14–7).

События древней истории нет-нет да и припоминаются современной литературой.

«Князь... не продал ему права своего первородства ни за какую чечевицу, а уступил его безвозмездно, как «достойнейшему» (Лесков).

«Вы, как Исав, готовы за горшок чечевицы продать все так называемые основы» (Салтыков-Щедрин).

В Библии, в Синодальном переводе, словосочетание «чечевичная похлебка» не встречается, но, тем не менее, понятие это прочно вошло в русский язык. «Отдать, продать за чечевичную похлебку» — означает продешевить, совершить заведомо невыгодный обмен. Оттого-то и чечевичная похлебка слывет и по сей день как нечто крайне малостоящее.

Было время, Россия снабжала соседей более чем четырьмя миллионами пудов чечевицы в год. Понятно, что и на своих ярмарках-базарах она была недорогой. Излюбленными блюдами русской кухни считались супы и каши. В это время и прижилась на столах наших предков чечевичная похлебка.

Кстати, на Руси выращивались зеленые, крупнозернистые, сорта чечевицы; красные, мелкозернистые, не давали обильных урожаев, и использовались как кормовые. Значит, говоря о чечевичной похлебке, русские имели в виду блюдо из чечевицы зеленой.

В 1891–1892 годах от засухи погибли все хлебные злаки, начался повальный голод. Но крестьяне, посеявшие чечевицу, несмотря ни на что, собрали неплохой урожай.

В двадцать первом веке в России чечевица — в диковинку, днем с ог-

нем не сыщешь, ежегодный урожай — кот заплакал, не густо, а ведь об этом растении, о «сочевице», ведали еще в Древней Руси, о чем свидетельствуют летописи, относящиеся к десятому-двенадцатому векам! Когда-то эта культура являлась основным продуктом питания наших предков. Недаром же говорят о давних-давних временах, что это было «при царе Горохе и при царице Чечевице».

И что примечательно, являясь едой бедняков, это зерно и сейчас еще занимает не последнее место в пропитании густонаселенных государств, таких как Бангладеш, Индия.

И у нас, как ни крути, но издревле на Руси плодами этого растения кормились монастыри и простолюдины. Хотя и в богатых домах не чурались изредка, за-ради особенки, откусать чечевичных супов и каш. Ну и, конечно, блюда из этой культуры были распространены во время постов. А в Сочельник зерно чечевицы добавляли в кутью.

В народе растение это как только не называли: чечевичка, шишечка, бугорок, сочевица, лящ, ляща южное, чечинка, порошок, пылинка, крошка.

У большинства людей пожилого возраста с этим продуктом связаны воспоминания о войне. Ну, так, известное дело, во все лихолетья эта простушка спасала Россию от голода.

Во времена моих родителей в России ее еще возделывали. Сейчас эта древняя культура предана забвению.

Покопалась как-то на досуге в старых маминых рецептах и, хлоп тебе, обнаружила, что совсем недавно на нашей деревенской кухне чечевица была просто незаменимым продуктом. И супы-похлебки, и начинки для пончиков. Даже на котлеты чечевица годится! А уж какие каши, пюре можно состряпать! И, коли сдобрить маслицем топленным, так позабудется и гречка, и пшено, и манка. И киселек из чечевичной муки в русской кухне не последнее место занимал. А то еще интересней — молодые стручки, с незрелой чечевицей, тушили с гусятиной или свиной. Из муки пекли и хлеба, и оладьи, а какая досужая хозяйка и сдобу затеет.

Рядом с кулинарными рецептами обнаружила я, к своему удивлению, и рецепты для изготовления незамысловатых лекарственных средств. Оказывается, если взять за основу горсточку чечевичной муки, добавить пару яичных желтков да влить одну-две столовые ложки конопляного масла, получится замечательное средство от ран и ожогов.

Самым же ценным является то, что зерно этого чудесного растения не накапливает вредных веществ, а по вкусовым, питательным качествам занимает одно из первых мест среди бобовых. На основе чечевичного зерна изготавливали укрепляющее, считавшееся панацеей.

С древнейших времен бытует мнение, что «...человек, основной пищей которого служит чечевица, обретает здоровье, спокойствие и душевное равновесие».

ЯЧМЕНЮШКА -БАТЮШКА (РЕЦЕПТЫ ДЕДА МИХИ)

Помнится, был у нас в деревне дед. Век свой при зерне коротал, склады сторожил, за током приглядывал. «Земелюшку топтал» ни мало ни много девяносто два годочка!

Дня не ведал без трудов праведных. Наверно, и еще бы на свет Божий

радовался, да развалилось колхозное хозяйство, пахотные, самые хлебные, поля заполонила лебеда да березки-самосевки. Последнее зерно на охраняемых Михой складах подъелось мышами; видать, за ненадобностью дед и преставился.

Но вот что примечательно: дед Миха — ни Боже мой! — не признавал никакой иной пищи, «акромя зернеца». А более всего почитал он «ячменюшку-батюшку».

На первое у Михи — похлебочка с разварочка, прямо из печи. Вынет ямками чугуночек, по горенке такой дух поплывет, что от дедова угощения ни за какие коврижки не откажешься. На второе — по стариковским зубам — у него томленая всем кашам каша (царь-каша!) — яченька. И в погребу у деда всегда сыщется кубан с ячменным кваском-кисельком. «Жисть моя такая длиннохвостая тока по его усатой милости», — не преминавал заметить Миха всякому, толкуя о своем почтенном возрасте.

Односельчане верили и не верили дедовым байкам о силе ячменного зерна. Но когда Миха выходил облучившегося, комиссованного с подлочки правнука Тольку, деревенские забеспокоились. Уж не подколдовывает ли старый сторож?

А Миха поднял Тольку на ноги наипростецким средством, которое сам и сочинил. Встав перед смертью на защиту своей кровинки, день изо дня, поднимаясь с петухами, хлопотал он в крошечной кухоньке. В видавшую виды махотку насыпал столовую ложку, не боле, ячменного солода, шмыгал в сенцы, зачерпывал из ведра ключевой водицы, что еще затемно успел припасти из Марьиного родника. Выливал ее в солод и, укутав овечьей телогрейкой, водружал на припечку.

Из-под сарая, из вишневого поленницы, притаскивал охапку дров, растапливал. Через час, перелив микстуру в чугуночек, кипятил ее минут десять на слабом, почти опавшем огне. Остудив, нес болезному Тольке. Настаивал, чтобы тот принимал его лекарство три раза на дню по полстакана, непременно до еды.

Теперь уж никто и не скажет, что Михин правнук когда-то был смертельно хворый. Год понадобился деду, чтобы поставить парня на ноги. Живет Толька, поживает, обзавелся семьей, ухаживает за дедовой могилкой, не хлюст какой. А как не доглядывать? Жизнью деду да ячменю обязан.

А сколько Миха простуд, ангина да бронхитов ячменными снадобьями извел, так и счету нет. Смотрит, бывало, как в соседские ворота, по «пятую точку» застудившегося мальчонки медсестра Петровна стучится, — сердчает: «Заколет пацана, как пить дать, заколет».

Измельчит на крупорушке ячменного солода, пересыплет в полотняный мешочек, постучится к соседке. Вот, мол, испробуй, Миколавна, глядишь, полегчает Петюшке. И накажет ей поить сынишку настоем, а как его изготовить, обстоятельно растолкует: две столовые ложки дробного солода залить чашкой кипятка да настоять часа четыре, или того лучше — пять. А как остынет, пользоваться парнишку по полстакана до шести раз в день. Неплохо бы и медку добавить, для скорости выздоровления. Глядишь, через неделю мальчишка опять с горы на пузе катается, здоровехонек.

По зимней поре да по ранней весне, как подъедятся морковки-яблоки, всяк у нас знает: нет лучше средства для поддержки сил (тяжко без витаминов при крестьянском нелегком житье), чем «живая», а проще —

ячменная вода деда Михи. Рецептuru ее давно гуляет по округе, потому что приготовить эту воду проще пареной репы. Триста граммов пророщенного ячменя нужно залить одним литром воды и на слабом огне, под крышкой, довести до кипения. Дать настояться с полчаса, процедить, и пить ее, будто чай, до седьмого пота — и все дела. А употреблять такую ячменную воду надобно каждый день по одному стакану. И ненастная пора покажется не такой уж изнуряющей, и почувствуешь, что сил прибавилось, можно браться за новые хлопоты. А все оттого, что в ячмене — полон воз природных витаминов да минералов.

Сколько туберкулезов и золотух, гастритов и язв, маститов и грудниц извел дед Миха своими незамысловатыми рецептами на ячмене! Нет таких болячек, которые не излечил бы он своими ячменными микстурами, мазями, настойками да примочками.

ГОРЮНЬ-ТРАВА

Где только не встретишь эту неприхотливую траву: и на обочинах дорог, и на пустырях, и на лугах, и на пастбищах, и во дворах у заборов, даже на полях в посевах, а уж русская степь — не степь вовсе, если на ней не разгуляются заросли полыни, если в ее волнующем букете запахов не сможешь уловить горьковатый, знакомый с раннего детства аромат.

Хоть и избрал Господь непростое предназначение полынь-траве — символ страдания, — но для нас, как когда-то для предков наших — степняков, остается она до горечи близкой и родной.

Русское «полынь» произошло от старославянского «полети» — гореть, осталось в слове «спалить», вероятно, из-за горького вкуса, от которого горит во рту. Если пожевать лист этой травы, во рту долго еще останется ощущение, словно чем-то опалило. Бытует, правда, и такое предположение, что название свое полынь — пельни — получила из-за характерного цвета. В народе ее еще чернобыльем, бурьяном, нехворошем да сорняком кличут.

В старославянском «поль» означало «открытый», «свободный». Слово «полынь» ассоциируется с полем, с его старинным песенным названием «полюшко-поле, поле-степь широкая».

В «Голубиной Книге», раскрывшей на своих страницах чуть ли не всю сущность народной мудрости, полынь ставится над произрастающими на земле травами наибольшей-старшей.

Так оно и есть. Кому ж не ведомо? Когда распяли Христа, пролили святую кровь Его, Мать Пречистая Богородица сильно плакала по Сыну своему возлюбленному, по Иисусу Христу; ронила слезы Пречистая на сырую землю. От слез ее горючих зародилась плакун-траву: потому плакун-траву — всем травам матери!

Спокон веку на Руси полынь пользуется славой одного из самых сильных средств против многоликой нечисти, особенно водной.

Наши предки на Ивана Купалу, надеясь защитить себя на весь год от болезней и нечистой силы, плели из полыни ритуальные венки, подпоясывались полынными кушаками. Веря, что всевозможное лихо не переносит духа горюнь-травы, обереги из полыни всегда носили при себе. А чтобы оберег тот действенным был, соблюдали такие обычаи: в ночь накануне Ивана-дня, сыскав куст полыни, раскапывали землицу у его корня, стараясь найти под ним уголек. Коли повезет — не достигнет тебя ни чума, ни молния. Не погубит ни «трясучка» (малярия), ни пожары-ожо-

ги тебе не страшны. Поговаривали даже, что иногда достаточно было произнести лишь название этого растения, чтобы прекратились колдовские чары.

На полынном венке гадали о будущей судьбе, его вешали в доме над дверью, чтобы беды и ссоры обходили семью стороной. Следили, чтобы веночек не падал и не разрывался. Считалось, что тогда этот дом постигнет несчастье.

Как гласит старинная легенда, «...кроме церковного ладана, незаменимого средства против нечисти, отыскалось еще снадобье, равносильное священной вербе и свечкам страстной недели, — полынь-трава окаянная, бесколенная. Собирали ее после Троицына дня до первых петухов. Рвали только левой рукой — от сердца», раскидывали по дому, клали на окна, под стрехи домов, чтобы защититься «...от русалок, выходящих в эту ночь из своих вод на сушу», а если «на зеленее свята» приходилось ночевать под открытым небом, траву эту чудодейственную клали под голову.

Под Рождество и хаты, и подворья окуривали полынным дымом, очищая от вселившегося зла или предотвращая его проникновение. Для этих целей полынь брали не любую, а лишь сорванную на Успенье, двадцать восьмого августа. При этом она должна быть обязательно освящена в церкви.

Издrevле на Руси полынь горькая слылась обрядовым растением. В начале лета, в Семик-день, молодежь «гоняла русалок». Оберегаясь от них, девушки, чтобы показать им от ворот поворот, распускали косы, носили под мышками веточки полыни, связанные в пучок вместе с зóрей и любистоком. Парни, встречая их на пути, спрашивали: «Что у вас в руках?» Ответишь: «Полынь», и русалка тут же вскричит: «Цур тебе, пек тебе! Згынь!» — и исчезнет, а коли рискнешь да назовешь любую иную траву, к примеру, мяту, петрушку, аромат которых притягивает водяную нечисть, — берегись, защекочет русалочье отродье до смерти в тот же день.

Защищая коров и молоко от ведьм, предки наши складывали стожки из полынь-травы на въездах в луга и вокруг пастбищ.

«А коли приворотить кого вздумаешь, достаточно во время игрищ хлестнуть возлюбленного стеблем все той же полыни».

И поныне в наших деревнях предусмотрительная хозяйка ломает по задворкам охапку-другую полыни: под порог уложить, под коврик у входа постелить. Веничек свяжет обувку обмести, на крылечко в уголок поставит. А то и над входной дверью пару веточек приладит, да чтоб непременно всяк входящий о них головой коснулся. Коли с задумками черными пожаловал, так чтоб за порогом их и оставил.

А уж от колдунов и ведьм полынок — самое наивернейшее средство. Травка эта светлая живо их шкoдничать отвадит. Злым людям, варнакам всяческого рода рядом с полынью становится плохо, и шарахаются они от нее, словно черт от ладана. Да и оглашенные громы-молнии обойдут окольными путями тот двор, в котором с почтением относятся к полынь-траве.

Помнится, в доме нашем на подоконнике, в обычном, не изукрашенном глазурью кубане всегда стояли полевые цветы — лютики-ромашки. Но войдешь в горницу и сразу же почувешь, что в букете есть одна-две веточки полыни. Горьковатым, терпким духом ее пропиталось жилище: и

постель, и половики, и занавески, и бабулин фартук, и ее штапельные кофточка с юбкой, даже волосы дышат полынь-травой, серебрятся ее цветом. Бабушка почитала полынь «травиной над травами» и кликала не иначе как «царь-травой».

В сенцах увесистыми пучками-вениками на дальней стене развешивала она свою любимицу, чтобы в нужный момент под рукой была. А случаев таких подворачивалось сколь угодно! Отправляется ли бабушка на телеге в соседнее село, едет ли в поле, выйдет она загодя да в охапку свежего сена, что на телеге для мягкости лежит, закопает пучок полыни. Чтоб усталости ни конь, ни дедуля не чуяли, чтобы по дальней ли, по ближней ли дороге не подстерегали неожиданные неприятности.

А как слаба глазами стала, чтоб «на белый светушек еще порадовать-ся», готовила для себя глазное средство. Подивилась я однажды бабулиной причуде: на макушке лета распалила она на подворье костер. Связала пучок полыни, перевернула вверх дном плетушку, уселась на нее подле костра и долго-долго смотрела на пламя сквозь полынь. На голове ее серебрился полынный веночек. «Что это ты, бабуль, ай, ворожишь?» — полюбопытничала я. «Господь с тобой, касатка, не до ворожбы, глазоньки пользуеться», — услышала в ответ.

Калина затевала рódная поход за калиной в дальнее урочище, в ходки свои пренебреженно вкладывала полынок, чтоб исхитриться без усталости корзину с ягодкой до крыльца дотащить. При этом всегда вспоминала, как бывало, «в баушкины годики» для этой цели в конце августа или в первых числах сентября нарывали по оврагам да за амбарами чернобыльница и зашивала в шкурку молодого зайца. Носили в виде подвязки. Человек становился ловким, спорым, а в беге и лошади за ним не угнаться.

Ранней весной, как выходили мужики на пашню, к самым хлопотным крестьянским дням, была у нее заготовлена на свином смальце полынная мазь: и чтоб руки снова от лопаты-сохи «не сорвать», и чтоб устали не знать. Хоть и сопротивлялся, бывало, дедушка, но ради того же выпивал из яичной скорлупки поднесенный бабулей полынный сок, попробуй с нею заспорь!

А для «аппетитцу», считала она, полынный «узварец» — беспрорышное средство. Правда, — горечь горечью, пользоваться с умением надобно. Возьмет она граммов восемьдесят полыни да двадцать граммов тысячелистника, что у нас хорохорится по подгорью. Зальет две чайные ложки этой смеси полулитром крутого кипятка, настоит денек-другой и прикажет пить по четверти стакана два раза в день. Да еще проследит, чтоб непременно — до еды.

Веники в нашей хате, да и у соседей, сколько помню, всегда — полынные, бурьянные. И метет ими хозяйка избу не абы как, а непременно от углов к дверям, чтобы в хате не заводилась нечисть.

Маленькой девочкой наблюдала я, как несколькими дворами, «миром», красили деревенские бабы домотканые холстины. Два дня томились в печках чугуны с бурями полынными отварами-красителями. Высушенные после покраски ткани приобретали бледно-желтый, лимонный, травянисто-зеленый и темно-синий цвет, никогда не линяли.

«Изгварздаются» красильщицы и после завершения работы затевают баньку, а венички в ней — опять же с полынком, да с другими травами целебными. Волосы споласкивали травяным отваром, отчего они становились мягкие, ароматные, чистые да покладистые.

Соберутся, бывало, девчата на гулянье, а бабуля со своим полынком

тут как тут. Мол, в кармашки, девоньки, цветиков духовитых насыпьте. Только спустя годы вычитала где-то, что шутливое народное название травы этой вездесущей — «молодой любовник», «поцелуйчик», «девичья погибель».

А уж сколько бабьих секретов знает эта вспоможень-трава — и не считано. Хочешь «понести» — пей полынное снадобье, не хочешь — его же пей, только знай меру «бабскому зелью». В народе говорят: мол, коровьи болести, что бабы. А потому и кормилицу-поилицу лечили хозяйки в наших деревнях от всяческих хвороб тем же самым взваром, что и себя.

Ни новоселья справить без полыни, ни в последний путь проводить. Помнится, только-только поставили соседи новую хату. Перед застольем обошла хозяйка и горницу, и кухню, и сенцы, во все углы заглянула с дымящимся сухим пучком полыни, с молитвой окурила новорубленное жилище.

А уж после того, как вынесут покойника из дому, всякая баба у нас в деревне знает, полы надобно настоем полынным промыть, все, что можно, тряпичей, смоченной в полынном взваре, протереть.

У хорошей хозяйки ни мух, ни клопов, ни тараканов, тем более комаров, в хате не водится. А все потому, что с полынью дружит, секреты ее знает.

Ни один пчеловод не сорвет полынный куст. Даже наоборот, перенесет ульшочки поближе к горьковатым зарослям. Полынок — простейшее, но любимое лекарство от всяческих пчелиных недугов. На пасеке без него как без рук.

Народная медицина ведает полынь со времен Древней Руси. Как гласит стародавняя рукопись: «Водой полыни вымываем свежие раны, сеченые утре и вечере, платки, смочив, прикладываем». Как лекарство от малярии в славянской литературе полынь упоминается еще в двенадцатом веке, в «Слове Даниила Заточника». И в русских летописях четырнадцатого века, и в книге 1616 года «Благопрохладный Вертоград», и в словаре, изданном в 1792 году, можно встретить эту «знатную» траву.

Полынь используется для лечения самых разных недугов. Когда и как правильно по науке собирать лекарственную полынь, я не знаю, только помню, что бабушка брала корзину и шла за ней на Иоанна Крестителя в поле по вечерней росе, после заката, да непременно на убывающей луне. Наутро взяла сбор пучками, подвешивала на чердаке или укладывала тонким слоем под навесом, в тенечке, на отслуживших свой срок домотканых полотенцах.

Какие только болячки не лечила она этой замечательной травой! Сколько мужиков деревенских отвадила она от зеленого змия той же самой полынью. И рецепт-то простецкий: всего лишь каких-нибудь двадцать граммов полыни смешивала с восьмьюдесятью граммами тимьяна ползучего. Но брала лишь пятнадцать граммов смеси. В чугуночек налила стакан воды и кипятила в ней эту смесь. Минут десять, не больше. А потом в протопленной печи томила, настаивала, пока не остынет. Отожмет, процедит через ситцевую тряпочку, дольет кипяченой водицы до объема стакана и — в свой с надколотым рыльцем чайник. Передаст несчастной бабоньке, чтоб поила мужа по четверти стакана три раза в день в течение месяца. Даст болезному отдохнуть и, коли не поправилось здоровье, примется пользоваться сызнава.

Правда, по праздникам баловала бабуля гостей собственной «полынкой», которую готовила заранее и хранила в потаенном месте годами. И была эта домашняя настойка не хуже заводского абсента. Рецепт ее приготовления я обнаружила в маминых записях, бабуля же колдовала по памяти, на глазок. Брала граммов двадцать высушенной полыни, чуть больше аниса, чуть меньше бадьяна, еще меньше плодов укропа. Смесь помещала в темного цвета бутыль и заливала ста граммами крепчайшего (до восьмидесяти градусов!) первака. Пропорции, конечно, значительно увеличивались.

Каждый день плотно укупоренная тара вынималась из темной кладовки на свет Божий и тщательно встряхивалась. Через неделю почтенная старушка, не доверяя дедушке снять пробу, наливала граммуюлку в рюмочку, — на сковородке вкусно пошипывало сальцо, — и проверяла превосходного вкуса и крепости настойку на готовность, «угощалась». «Ох, и лиха! — задыхалась от глотка «полынки» бабуля. — Фабричная-то послабжее будет!» А и то верно — как правило, абсент имеет крепость около семидесяти градусов. По вкусу и аромату бабулина настойка походила на «фабричный» вермут. В переводе он и есть — полынь. Мужчин потчевали крепкой, а женщинам настойку разбавляли подслащенной водичей, из расчета: одна часть настойки на пять частей воды.

Предусмотрительная бабуля следила в своем доме за правильным употреблением полыни, будь оно во взварах, в мазах, в спиртовых настойках. Толково относилась к дозировке целебного средства.

За века полынь проникла во все уголки крестьянского жилища: и в спальню, и на кухню. С незапамятных времен для крепкого сна деревенские хозяйки зашивали в подушки ароматные травы. А что может быть духовитей полыни? Да если к ней прибавить в таком же количестве чабреца, перечной мяты и шишек хмеля, то беспробудный сон, а значит, и отдых обеспечены.

Рядом со всевозможными приправами на кухне у дотошной хозяйки можно обнаружить и порошок полыни. В малых дозах служит он изысканной добавкой к салатам, рыбным и жирным мясным блюдам.

В деревенских домах еще и по сей день в шкафах и ларях, в чуланах и кладовках можно увидеть пучки полыни — «туряет моль». Дом с нею дышит пряным, теплым запахом лугов. Улучшается настроение. Бодрит и радует.

ПО ГРЕХАМ И ВОЗДАСТЯ

Иногда мы воспринимаем растения, упомянутые в Библии, как нечто абстрактное, сказочное — наподобие какой-нибудь «разрыв, одолень-травы» или «папороть-цветки». На самом же деле каждое их появление на страницах Писания имеет особый, серьезный, предопределенный смысл. Ученые не раз убеждались, что использовать библейские растения следует, внимательно анализируя тексты Святого Писания. Рано или поздно они «покажут свой характер», обнаружат именно те свойства, которые были предписаны их символическими значениями.

Возмездием за грехи человеческие со времен появления Священного Писания принято считать *терновник*.

«Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою» (Быт. 3, 18).

Терновник играет не последнюю роль в христианстве. На голову Иисуса при распятии римские воины водрузили терновый венок, острые шипы которого изранили будущему Спасителю голову. И «тернистый» путь — это путь сквозь препятствия и трудности. Издавна считалось, «упасть в терн» — впасть в грех.

Терновник служил символом запустения, пустыни, а также символом трудностей и преград. Так как тернии вместе с волчцами были посланы Богом за грехопадение, то и само слово «тернии» несло нарицательное значение.

«Волчцы» и «тернии» употребляются в Библии всегда вместе. Под ними подразумевается всевозможная негодная, сорная растительность. Названия эти собирательные и служат для обозначения вредных колючих растений, предпочитающих селиться, где попало.

В христианской традиции злостные сорняки — символы порока. А как известно, порок должен быть непременно наказан. Как гласит Библия:

«...пусть вместо пшеницы вырастет волчец, а вместо ячменя — куколь» (Иов. 31, 40).

«Терния» как символы в одних случаях — пренебрежение своим делом, в других — последствия неисполнения Божьего промысла, в-третьих, — затруднения и препятствия.

Куколь (народные названия: волошки, часики, чернуха, сор-трава, полевая гвоздика, гуголь, конкаль, кукуловая путик, торица трава) — растет как сорняк среди хлебов, главным образом яровых посевов, на всей территории России, кроме Камчатки и Севера. Являясь верным спутником пшеницы, куколь путешествует с ней по всему миру. Растение это всегда доставляло крестьянам немало хлопот тем, что мука из зерна, засоренного его семенами, становится ядовитой. Опасным считается даже минимальное — около пяти процентов — присутствие куколя в зерне. Несмотря на то, что на засоренных куколем полях урожай зерна на семьдесят-восемьдесят процентов выше, чем на соседних «чистых», каких только усилий не прилагал хлебороб, чтобы извести на своих угодьях эту злодейку. Известно древнее славянское заклинание от куколь-напасти, которое читалось семь раз рано утром, до рассвета, на растущей луне, над бадьей с родниковой водой, да чтоб никто не видел и не слышал:

Встану я, раб Божий (имя), благословясь,
Пойду, помолясь, из избы в двери,
Из дверей в ворота, в чистое поле,
Прямо на восток и скажу:
«Гой еси, солнце жаркое,
Не пали и не пожигай ты хлеб мой,
А жги и пали полынь-траву да куколь!»
Будьте, мои слова, крепки да лепки!

В заключение надо было выйти во двор и всю воду выплеснуть на живое дерево.

Даже поговорка существует: «Посей хлеб, уродится и куколь».

Сколько бы землепашцы не воевали с этой сор-травой, она оказалась настолько живуча, что и по сей день ее можно встретить на наших угодьях. А уж теперь, когда хлебные поля подверглись запустению, для куколь-травы наступили самые благодатные времена.

И на лугах, и в лесу она нередкий гость. Только тут ее чаще цветком, гвоздикой, кличут. Название свое это растение получило еще в древности от слияния двух слов *поле* и *венок*, и дано оно куколке за большие темно-розовые, иногда белые цветки, из которых некогда плели венки. Распускается он летом, ближе к осени. При заманчивом окрасе запаха не имеет. И слава Богу! Сколько бы насекомых сгубил он своим ядовитым нектаром!

Несмотря на прескверную натуру, растение это с незапамятных времен использовали в лечебных целях. Ну, так еще Парацельс утверждал: «Все есть яд, ничто не лишено ядовитости, и все есть лекарство. Одна только доза делает вещество ядом или лекарством».

И стебли, и цветы, и листья, и семена, и корни куколя использовались, да и сейчас используются в медицине, чаще народной, нетрадиционной. Травой запасались в летние месяцы, а корни и семена собирали по осени. Заготовленное сырье сушили на чердаках и в чуланах (в темных, но проветриваемых местах), а потом готовили из него различные снадобья. При простуде и болях в желудке — водный настой травы; при коклюше, как мочегонное средство, при лечении опухолей (даже недоброкачественных!) — настоем семян. При угревой сыпи и всевозможных дерматитах изготавливали мазь, смешав одну чайную ложку порошка из семян куколя со ста граммами меда. Настаивали три дня в прохладном месте. Из свежих листьев делали припарки.

Помнится, соседка наша, тетка Прасковья, не признавала иного средства от зубной боли, кроме куколя. Бывало, «вздерет коренник» у нее — бабка сразу в чулан. Вскипятит взвар из семян «волошка», усядется в саду на лавку и ну давай полоскать болезный зуб. Глядишь, час-другой, и Прасковья (та еще певунья!) опять себе что-то под нос мурлычет, видать, «коренник занегумил».

А коли подуетесь да состряпать из этой растения по Прасковьиному совету настойку: на одну чайную ложку измельченных семян куколя взять пол-литра водки, настоять недели две, процедить и принимать по тридцать миллиграммов на ночь, — так лучшего снотворного и не сыскать.

Правда, следует помнить, что настойки и отвары из этой непростой травки употреблять надо с особой осторожностью.

Слово *крапива* встречается в Библии пять раз. И каждый раз только как символ запустения и наказания.

«Ибо вот, они уйдут по причине опустошения; Египет соберет их, Мемфис похоронит их; драгоценностями их из серебра завладеет крапива, колючий терн будет в шатрах их» (Ос. 9:6). «Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного: и вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, и каменная ограда его обрушилась. И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел и получил урок: «немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь, — и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя — как человек вооруженный» (Прит. 24:30–33).

По всей России это пронырливое растение заполонило своими зарослями тенистые леса, глухие овраги, заброшенные сады, засоренные места, задворки крестьянских усадеб. Название свое она получила от древ-

нерусского слова «кроп», что значит «кипяток». Может быть, из-за того, что перед употреблением (людьми ли, животными), избавляясь от жгучести, крапиву обдают кипятком. А может, потому что сама она обжигает не хуже кипятка.

Несмотря на ее злой нрав и на не самые лучшие места обитания, крапива — одно из полезнейших растений. Обратив внимание на некоторое сходство с коноплей, крапиву с незапамятных времен используют в прядильном производстве. Из стеблей получают волокно для изготовления веревок и грубых тканей. Кроме того, она является ценным сырьем для фармацевтической промышленности.

Не перечать उपयोगий этого растения в простонародье. Но первое из первейших — от ломотного ревматизма. В этом случае употребляют только свежесорванную, самую жгучую траву. У хорошего хозяина в предбаннике сыщется не один крапивный веник. Приключится, не дай-то Бог, простуда, навалится хвороба — в баньку! Нажигают (нахлестывают, секут) больное место.

А волосы, если их сполоснуть крапивным отваром, — шелк шелком, и седина в них не скоро объявится. Поранился ли, оцарапался чем — лекарство, только руку протяни, рядышком, за калиткой. Измял крапивные листья, отжал на больное место сок, глядишь: ранка затянулась, язвы как не бывало.

Ранней весной, еще и снега не все сошли, а уж по проталинам лезет молодая крапивка. Самое время из нее щи, салаты стряпать. Не растение, а кладезь дармовых витаминов.

Зная, что молоко от корма из этого растения становится слаще и вкуснее, хозяева охапками тащат его на подворья, стараются пасти своих буренок по буеракам да задворкам, в крапивных зарослях. На деревне шутят: мол, хлопотная хозяйка, та, что спозаранку подсуется да в корм для кур крапивки подбубит, от десяти кур к вечеру двадцать яиц снимет. Невероятно, конечно! Но... в этом есть своя правда.

«Накопай крапивного коренья, иссуши, истолки, просей ситом; на-тирай лицо, руки и ноги — и не озябнут», — говорится в рукописи XVII столетия.

Ярко-зеленая краска из листьвы и желтая из корней используется как пищевой краситель. Не произрастай в таком количестве чудесное сырье, косметическая промышленность потеряла бы один из важнейших компонентов своей продукции.

Тот, кто хоть раз обращался к знахарке-ведунье за приворотным зельем, наверняка помнит, что бабка просила влюбленного, прежде чем начнет «работать», в черный ситцевый мешочек (который шьют непременно белыми нитками) собрать, обязательно на заходящей луне, у третьего краю оврага, левой рукой, семена крапивы. Исполнив в точности все указания ворожеи, оросив семена своей слезой, можно было надеяться, что «полюбовное» зелье поможет.

По народным поверьям, крапива может подсказать, сколько лет отведено человеку Богом и когда наступит конец его жизненного пути. Для того чтобы узнать, выживет ли хворый или умрет, брали его мочу, помещали в нее свежую крапиву и давали настояться. Примечали: если растение оставалось зеленым, больной пойдет на поправку, если крапива завянет, загнет — готовься к похоронам.

Крапивные заросли — излюбленные места обитания самых нарядных гусениц и бабочек: то промигнет веселый павлиний глаз, то томно, слов-

но кисейная барышня, очастливит – заглянет пестрокрыльница изменчивая, то спланирует важный в своей неподражаемости адмирал. А уж крапивниц, этих всегдагдаев местных сорных чащоб, — рои несчитанные! Значит, и эти божии твари знают о целебных, а может быть, и каких-то иных полезных свойствах крапивы.

Какому русскому крестьянину не известен *бодяк*, скрывающийся под ненавистным именем *осот*? Этот злостный сорняк, стоит только крестьянину подзапустить огород или поле, не преминет расползтись, заполнить свою назойливой колючей порослью всю пашню. Но редко кто знает, что этот самый бодяк успешно используется при лечении различных болячек. Многочисленные раны, ссадины и кровоподтеки моих шустрых детских лет врачевались бабулей именно измельченным свежим огородным осотом. Им же лечила она и больные вены на своих ногах. Высушив летом в тенечке на чердаке эту неприхотливую траву, зимой готовили на ее основе целебные настои, взвары и мази.

Кто из девчонок хоть раз в жизни не плел из *васильков*, собранных по краю ржаного или пшеничного поля, первое девчоночье украшение — полевой веночек? В русских народных орнаментах небесно-голубые соцветия василька часто переплетаются с золотистыми колосьями. А ведь василек, всеми любимый цветок, не украшение полей, а сорняк сорняком, распространившийся по всему свету вместе с пшеницей. Высеется он в хлебах и брызжет голубыми невинными глазками, мол, я и сам не знал, что сорняком прозываюсь.

В лесу и на лугу встречается василек луговой. Соцветие его схоже с маковкой резной деревянной церквушки, и окрашен он в ярко-розовый цвет. Это растение является отличным медоносом, мед из него имеет цвет зеленого янтаря.

А имя василька означает «царское зелье». Может быть, оно связано с именем Василий. В народе бытует сказка ли, легенда ли, теперь и не разобрать, о дивной красоты косаре, который, убирая в поле пшеницу, очаровал русалку. Влюбилась она в парня до беспамятства и, проведя с ним в хлебах целый день, зачаровала несчастного. Расставаясь, русалка превратила своего возлюбленного в синий цветок василек, чтобы он напоминал ей о синих глазах косаря.

По народному поверью, именно в пору цветения васильков в хлебах появляются полевые русалки, пляшут и резвятся, плетут из васильков и хлебных колосьев колдовские венки.

Одно лишь может оправдать этот вездесущий цветик — оказывается, он, как и бодяк, успешно лечит раны и разные воспаления. Даже обширные дерматиты подвластны его чудесному воздействию. Василек является противолихорадочным и мочегонным средством. Снадобья из него широко применяются в народной медицине. Используют их при заболевании почек, печени.

Помнится, в деревнях «ячмень» на глазу всегда лечили простым способом: подносили ячменю кукиш и трижды произносили: «Глазной кукиш, на тебе шиш» или «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь: купи топорок, руби себя поперек», поплюют больному на воспаленное место, и считай, что здоров. Но коли такие способы не помогают, изготавливают настой из цветков василька. Действует он безотказно, самое наивернейшее средство от конъюнктивита.

Еще со стародавних времен знали на Руси, что вода, настоянная на васильковых соцветиях, благотратно сказывается на росте волос. Женщины, собираясь в баню, заранее готовили настои и взвары из этого удивительного цветка: на одну столовую ложку измельченных корзинок брали четыреста миллилитров смеси кипятка и уксуса (один к одному).

Из василька выпаривали ярко-синий краситель для покраски нитей и домотканого полотна.

С возрастом, как только начинают допекать радикулиты и ревматизмы, в деревнях наших любят париться травяными вениками, в которых немалая доля трав лугового василька. Все целители и знахарки знают, что цветок этот незаменим при болезнях сердца, желтухе, а уж головную боль настойка из его соцветий снимает в считанные минуты. Силен этот цветок и при лечении гнойных ран, экзем.

Сорняков вдоль дорог, на пустырях и в оврагах у нас столько, что любое другое государство позавидует. Можем поделиться с желающими ценным лекарственным сырьем. У нас его — коси, не хочу!

Хоть бы, к примеру, *расторопша пятнистая*. Без этой алой колючки и Россия — не Россия. Видовое название всем известному «тернию» дано в честь Девы Марии. С ветхозаветных времен бытует легенда о том, что белые пятна на зеленых листьях расторопши — капельки молока Божьей Матери. Оттого и кличут ее еще «Марьины колючки», «Марьин чертополох», а то еще интересней — «остро-пестро», или просто — «колючник». При всем его зловредном норове и этот сорняк можно найти в народной аптеке.

Издавна колючку собирали в Петровки, по вечерней росе. Высушивали на тенистых чердаках, хранили в коровьих пузырях и использовали для охотничьей надобности. В старину верили, что ружье, окуренное этой травой, метко стреляет и ни один колдун не сможет его заговорить.

А по оврагам, вдоль проселочных дорог, в поймах рек, на лесных опушках, где только ни ухитряется расти неприхотливый колючий кустарник — *терновник*. В народе называют его дерезник, козлиная ягода, овсяная слива, кислая слива, черная колючка.

Уже много веков передается из уст в уста легенда о том, как зацвел терновник впервые. Сказывают, мол, в стародавние времена, в какой местности, уж и не припомнится, разразилась жуткая гроза. Все живое попрыталось от взбесившейся стихии: молния — огненная змея — носилась по небу и жалила всех, кого разглядит на земле. Гром — дикий шаман — бесился в страшной, нескончаемой пляске и бил в огромный, завораживающий своим непрерывным гулом бубен. У молнии и грома на ту пору было новорожденное дитя — чудное белое облачко. Испугавшись родительской ссоры, нарыдавшись проливными слезами, облачко выпало из небесной колыбели. И очутилось не где-нибудь, а в колючих зарослях терновника. Что только ни делали родители, чтобы извлечь свое дитя из непролазных колючек. Наконец, когда в их неземном семействе наступил лад и покой, дитя было спасено. Но на цеплючих ветках остались обрывки пеленок и распашонок их воздушного дитяти. Каждый год, после первых весенних гроз, опять и опять трепещутся на терновнике те белые кружевные лоскуты — покрываются кипенным цветом его непроходимые кусты.

Даже тот, кто никогда не открывал Библии, наверняка слышал ис-

торию о Горящем кусте. Упоминаемый в Ветхом Завете Горящий куст увидел Моисей, когда пас своих овец. Терновый куст горел, но не сгорал. Таким образом Ангел Господень привлек внимание Моисея, чтобы возвестить ему волю Господа. Этот несгорающий библейский куст в христианстве называют Неопалимой купиной.

В домах верующих часто можно увидеть икону с таким же названием — «Неопалимая купина». Она хранит жилища православных от пожаров. В восьмиконечной звезде изображена Божья Мать с младенцем. Звезда на иконе необычна, состоит из двух ромбов: вертикального зеленого (символ куста) и горизонтального красного (символ пламени). Как правило, на этой иконе Богородица изображается в горящем кусте, так как духовный огонь, которым горит куст, горящий и несгорающий, является еще и символом непорочного зачатия.

В природе терновник — оттопыренно-ветвистый куст, иногда вытягивающийся в восьмиметровое дерево. Многочисленные колючки покрывают его неказистые ветки. Разрастаясь, образует непроходимую чащу. В конце апреля, начале мая, когда его мелких листочков еще и в помине не видать, поодиночке, а иногда попарно раскрываются пятилепестковые, мелкие, белые, как снег, цветочки. И тогда это неприветливое дерево приманивает прохожих своей кипенью. На языке цветов означает оно: «Зачем презрение?» — «Сдержи обещание!» Но даже и в эту счастливую для терновника пору люди остерегаются его, опасаясь обманчивой привлекательности.

Как-то в детстве, изрядно исцарапавшись длиннющими шипами терна, наломала я белоснежный букет и принесла в дом, так бабушка, зная его недобрую славу, тут же выкинула ветки за дверь, а меня отчитала: «Упаси, Господи, кто помрет, а не то скандал меж своими разразится!»

А вот росший в дальнем углу старый терновый куст (пойми сумея бабулю!) сама себе в противовес вырубить под корень не дала, чтобы, опять же — не навлечь несчастье. Потому как считала, что терень способен противостоять нечистой силе, не пропускать злые козни, сглазы, наговоры и порчи на охраняемую его зарослями территорию. Выкопала в овражке молодой кустик и посадила у самой калитки, чтобы защищал от «проказ нечистого».

Поди тут разберись, чего больше привносит терновник в людскую жизнь! Знаю только, что в деревне нашей считался этот кустарник непрытым. Может, из-за того, что усадьба бабки Колдучихи обрамлялась его непролазными зарослями, и мы, малолетняя ребятня, не могли пробраться за яблоками только в ее сад?

Страшные истории с участием терновника еще и сейчас на слуху у моих земляков. Сказывают, не одну бабу свела со свету деревенская ворожея, протыкая терновыми колючками восковую фигурку, сделанную по подобию несчастной.

Все это, конечно, сказки. Но то, что Колдучиха «рожу» (болезнь) «тернем» излечивала — суцая правда.

Древесина этого удивительного кустарника обладает свойством аккумулялировать любую энергию и преобразовывать ее в животворящую. Очевидно, поэтому из терна делали свои посохи древние целители. Помнится, и Колдучиха всегда опиралась на терновую клюку. Как же хотелось в детстве пошутить, «спереть» ее у старухи. Но останавливал страх перед великой силой «ведьмина посоха». Не раз, спрятавшись в бурьянных зарослях, наблюдали мы, как для каких-то своих, только ей ведомых, во-

рожейских нужд, пробиралась старая в Сизый овражек за терновым цветом. Расстилала под кустами своей выдавший виды подшалок и не обрывала, а отряхивала на него лепестки терновника.

Плодоносит терень ежегодно и обильно. Даже пословица известна: «Терновый куст не бывает пуст». Непривередлив, зимостоек и засухоустойчив.

Название свое терень получил еще в древности. И обозначало оно «покрытый инеем» или «синеватый». Наверно, из-за воскового, синего налета на своих плодах. В старославянском *търън* — «колючка».

Бывало по глубокой осени, как только окрепнут морозцы, ходили мы с бабулей в тот же Сизый овражек за меленькой сливкой-тернем. Наберем плетушку-другую, ссыпем плоды в огромную бутылку, добавим сахарку, и — поближе к печке, к теплу. А как сок терновый перебродит, разольем по темным бутылкам, закупорим да дадим настояться месяца четыре. И станет бабуля пользоваться родных и соседей густой, как елей, наливкой. И вкусно, и целебно.

СИМВОЛ ВЕЛИЧИЯ, СЛАВЫ И БОГАТСТВА

Кедр — самое древнейшее из реликтовых растений, появившееся на земле более ста десяти миллионов лет назад. В хороших условиях кедр может достигать пятидесятиметровой высоты, семиметровой толщины. А жить это самое удивительное дерево на планете может до трех тысяч лет.

Священность его тройственна: с одной стороны, из-за того, что оно является на страницах Книги книг, с другой — большинство православных икон (и древних, и современных) написано на кедровой доске, а с третьей — в кедре кроется могучая целительная сила.

С упоминанием и этого растения в Писании не обошлось без символики. Кедр, прежде всего — это власть, величие, слава и богатство, а еще — символ праведника, исполняющего Божью волю. Но вместе с тем кедр олицетворяет то, что всегда сопровождает власть, — гордыню, заносчивость, высокомерие, и в то же время служит напоминанием, что Бог выше и могущественнее того, кто уподобляет себя кедру.

На протяжении всего текста можно отыскать упоминания об этом дереве, приведем лишь некоторые, из Псалтыри.

«...глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры Ливанские» (29:5).

«...горы покрылись тенью ее, и ветви ее, как кедры Божи» (80:10).

«Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (92:12).

«Насыщаются древа Господа, кедры ливанские, которые Он насадил» (104:16).

Кедр — одно из трех сросшихся деревьев, из которых был сделан Крест для распятия Христа.

И.А. Бунин, посетив Ливан, пишет: «...несколько хвойных роц суть остатки кедров ливанских, тех, которые Библия называла заоблачными, тень их — тенью, покрывшей все земные царства, бальзам — божественным, на тысячи лет сохраняющим трупы от тления, древесину — не боящейся вечности... Одна из пяти роц, уцелевших близ Эдема, еще и доныне почитается священной».

В древности люди считали, что кедр имеет душу. Исследования показали, что биологические ритмы кедров совпадают с человеческими! И активность его проявляется совсем не так, как у других растений, не в строго определенных часы, а в зависимости от внешних обстоятельств.

Кедровая древесина как строительный материал не имеет себе подобных. Как гласит Библия, Ной, оценив ее стойкость и выносливость, построил ковчег именно из дерева гофер, то есть из кедров. Известно, что еще в добиблейские времена египтяне хоронили фараонов в кедровых саркофагах (саркофаг Тутанхамона — кедровый). Да и при мумификации кедровая смола являлась одним из важных компонентов.

И первый дом имени Господа, в который был перенесен «ковчег завета Господня», был возведен из кедров. Чтобы доставить кедр из Ливана для этого храма, царь Соломон отдал царю Хеврону двадцать городов своего царства, но при этом мудрый Соломон запросил, чтобы ему были даны люди, «...умеющие рубить дерева». *«Итак, прикажи нарубить для меня кедров с Ливана: и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь: ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые бы умели рубить дерева, так как Сидоняне (Третья книга царств, 5, 6).*

Когда в храме началась служба, «...не могли священники стоять на служении по причине облака». Чудодейственное облако исходило от... кедров.

О бесценных свойствах этого растения в Святом Писании упоминается сорок два раза. Творец обращает внимание людей на кедр не случайно:

«Возьми себе благовонных веществ: стакти, ониха кедров душистого и чистого ладана и полагай его перед ковчегом откровения в скинии собрания, где будут открываться тебе. Это будет святыня великая для вас».

Деревья, о которых идет речь, произрастали на юге, в Ливане. И назывались они кедровыми «ливанскими».

У нас же кедром называют сибирскую сосну. В древней Руси кедр величали «заветное дерево», «дерево-матка», «дерево-корова», «сибирский великан». Его любили, уважали, ценили и оберегали. Ведь кедровники снабжали древесиной, пушниной, зверем, грибами, ягодами. И согревали, и кормили, и защищали, и укрывали. Плодоносить начинали лишь на пятидесятом году от роду!

На промысел орехов выходили целыми селами, причем количество деревьев, с которых предполагалось собирать урожай, рассчитывалось по количеству едоков в семье. Для местных жителей этот промысел и по сей день является едва ли не единственным.

Кедровые леса — особый таежный мир со своим микроклиматом. На протяжении многих столетий материальная и духовная культура Урала и Сибири была теснейшим образом связана с этим величественным деревом. Как пишет Д.Н. Мамин-Сибиряк, в народе кедров называют не иначе как «боярами в бархатных шубах». Сибиряки говорят: «Где кедр, там и белка, там и кедровка; где белка, там и соболь; где кабарга, там и россомаха; где кедр и дуб, там кабан и изюбр; а где кабан, там и тигр». Могучие кедровники дарили человеку во все времена неопределимое и неоценимое ни с чем богатство — здоровье, физическую и духовную силу.

В дохристианской Руси в сибирской тайге росла сосна и не ведала, что после принятия христианства у нее появится новое название — *кедр*. Первые православные иконы писаны византийскими мастерами в Константинополе на пальмовых листьях и ливанском кедре. С приходом Православия на Руси возникла необходимость массового изготовления икон. Поставлять ливанский кедр в таком количестве из-за дальней дали оказалось невозможным. Вот тут-то и пришла на выручку сибирская сосна. К тому же припомнили, что у нее, в отличие от ливанского кедра, съедобны плоды, и запасы ее (по тем временам) немалые.

Перекрестили сибирскую сосну в *кедр* русские первопроходцы, осваивавшие Сибирь. Может быть, это великолепное дерево напомнило им о кедре из священных книг? С тех пор, с Господнего благословения, начали на ней успешно писать иконы. На ароматной, красивой древесине сибирской сосны создавали свои иконописные шедевры и Феофан Грек, и Андрей Рублев, и многие другие мастера русской, прославившейся во всем мире, школы иконописи.

Еще в Ветхом завете, в третьей книге Моисея (Левит 14:1–7) Господь учит, как надобно лечить людей и обеззараживать жилища:

«И сказал господь Моисею, говоря: вот закон о прокаженном, когда надобно его очистить: приведут его к священнику; священник выйдет вон из стана, и если священник увидит, что прокаженный исцелился от болезни прокажения, то священник прикажет взять для очищаемого двух птиц живых чистых, кедрового дерева, червленую нить и иссопа, и прикажет священник заколоть одну птицу, кедровое дерево, червленую нить и иссоп, и омочит их и живую птицу в крови птицы, заколотой над живою водою, и покропит на очищаемого от проказы семь раз, и объявит его чистым, и пустит живую птицу в поле».

До настоящего времени сохранились ладан и ладанка, к которым прикасался Иисус Христос. Упомянутые в Библии волхвы принесли новорожденному Спасителю драгоценные дары: золото, ладанку из кедра и смирну. Золото как Царю, ладан из кедра как Богу, а смирну как Человеку. И по сей день хранятся они в Греции, на горе Афон, в монастыре Святого Павла.

Епископ Кирилл Александрийский (412–444) сравнивал древесину кедра с плотью Христа, которая остается нетленной, лишь Божий гнев сильнее, чем кедр.

Воскуривание ладана сопровождает повсеместную молитву, обращенную к Спасителю. Когда-то ладан ценился на вес золота.

Жители Сибири, Урала, Европейского севера, Южного берега Крыма (от Севастополя до Кара-Дага), Дальнего Востока испокон веков знали о целебных свойствах кедра и успешно лечили им всевозможные хвори. Не перечесть рецептов из книги по народной медицине, в основу которых берется все: от коры до иголок кедра. Все части его обладают высокоэффективными целебными свойствами.

Истари известны целебные свойства кедровой хвои. Она богата аскорбиновой кислотой и каротином.

На Руси с древнейших времен как лечебное средство ценилась живица (карпатский бальзам). Стоила она немало и поставлялась только в придворные аптеки. Ею лечили нарывы и раны, туберкулез и простуду.

Хвоя кедра обладает способностью обеззараживать воздух. На поляне под кедрами, прямо на воздухе, можно сделать открытую полостную операцию. В кедровом лесу воздух практически стерилен.

А из кедровых орешков получают ценнейшее растительное масло. Еще в 1744 году В.Н. Татищев, упоминая о «множестве заготавливаемых кедровых орехов», писал, что «из оных делают масло, в пищу употребляемое». Кедровое масло по тем временам свободно можно было купить не только в городе Ирбите, но и на всевозможных многочисленных ярмарках Сибири и Урала. Продукция, выработанная в домашних условиях, ценилась намного выше, так как и целебные свойства ее превосходили свойства заводской.

Кедровые орехи способствуют повышению работоспособности человека, улучшению состава крови, предупреждению малокровия. Русские лекари применяли масло кедровых орехов при лечении гипертонии, атеросклероза, язвенной болезни желудка.

Сибирячки всегда отличались красивым цветом кожи. Известны старорусские косметические рецепты, в основе которых лежит кедровое масло. Используют его и для очищения, и для питания, и для защиты кожи.

«Кедровое молочко» применялось для лечения нервных расстройств, заболеваний легких и почек.

С древнейших времен на Руси ладан из кедра использовался для борьбы с нечистой силой. Для предохранения от напастей на груди носили вместе с крестом «ладанку» — мешочек с кусочком освященного кедра.

Из древесины сибирского кедра изготавливают скульптуры, мебель, музыкальные инструменты. Хозяйки знают: моль в доме не приживется, коли в нем хранится хоть кусочек этого удивительного дерева.

Предметы обихода по возможности старались делать тоже из кедра: и бады, и кадушки, и ковши для питья, и ушаты, и плошки-миски. Еще в старину было подмечено, что и продукты, и напитки в кедровой посуде сохраняли живительную силу, удлинляли жизнь.

Если обратимся ко временам Петра I, к масштабному судостроению, то заметим, что хоть и дешевле сосна во много крат, но для внутренней отделки кораблей по высочайшему указу использовалась только кедровая древесина.

Предметом важнейшего российского экспорта являлись на протяжении веков кедровые лари и сундуки, принося немалый доход государству. Прямые поставки кедровой утвари и мебели были налажены из Сибири в Западную Европу, в страны юго-востока. Самым крупным изготовителем из кедровой древесины слыл Нижне-Тагильский сундучный завод.

Еще при царствовании Ивана Грозного кедровым орехом торговали с иноземцем. До 300 000 пудов ежегодно продавали шведам, англичанам, персам и «другим инородцам».

Если спросят, что значит для меня малая родина, что припоминается в первую очередь, так сразу и не отвечу, могу долго перечислять: и хату на краю хутора, с линиялой от палящего солнца, проливных дождей, каляных снегов, крышей; и скрипучую калитку с вечно открывающимся вертушком на задворках дышащей молодыми огуречными опупками бахчи; и шуршащие, переспелые коробочки мака меж луковых гряд; и зятянутые ситцевой тряпицей от шkodных вездесущих воробьев грузные, перепачканные клейковиной треухи дедулиного подсолнечника... Да мало ли что еще! Но есть у меня местечко, которое чаще всего снится и раньше

всех всплывает в памяти при слове «родина». Высоченный сосновый бор над глиняной дорогой на подходе к отцовскому хутору...

Сосна с ее хвойным духом для орловчан, что для сибиряков — кедр. И душу, и тело исцеляет.

А зубы у моих земляков отчего до старости целехоньки? Да все та же сосна, молодые шишечки ее. Ребятня у нас, что семечки, почки сосновые целкает. Смолы сосновые потом зубы всю жизнь сберегают.

Пройдешься до дальней опушки, насобираешь маслят, перепачкаешь руки земляникой, надышишься смолистым зельем, передумаешь сотню дум, успеешь разложить все заботы по полочкам, глядишь — и жить полегче станет, и сердечко поуспокоится, тревоги поулягутся, одним словом, бор этот сосновый — бальзам на мои бесчисленные сердечные раны. Плохо мне, дела ли не спорятся, прихворнула ли — в соснячок. Отдохнуть-надышаться, шишек молодых на варенье подсобрать. Дятла... а может, душу свою послушать. К небесам вместе с верхушками сосен потянуться. Расслышать в шепоте ветра, нечаянно коснувшегося омофора Божьей Матери, ее заботы-молитвы о всех нас: и верующих, и утеравших веру в ее заступничество.

